

ГЛАВА I

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ. П. И. КОВАЛЕВСКИЙ И М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ИДЕОЛОГИ ВНС

Период конца XIX – начала XX века явился для Российской империи во многом судьбоносным, прямо определившим ее последующую эволюцию. Именно в это время капитализм окончательно утвердился. Данный процесс сопровождался масштабными изменениями во всех сферах общественной жизни. Однако особенности исторического развития Российского государства во многом предопределили характер капитализма, развивающегося на фоне острого кризиса, вызванного распадом традиционных социальных институтов таких, как общинная и сословная организации. Исторически складывающийся полиэтничный состав русского государства таил в себе потенциальную опасность возникновения межнациональных противоречий в нем. Именно процессы образования единого общероссийского рынка, капиталистической интеграции выступили катализатором обострения национального вопроса внутри империи.

Если ранее, в первой половине XIX века, правительство в основном сталкивалось лишь с единичными угрозами в этой сфере (например, с польским сепаратизмом), то в начале XX века проблемы межнациональных отношений существенно дестабилизировали внутривнутриполитическую ситуацию, создавая угрозу русской государственности, что было напрямую связано с развитием в новых условиях процессов национальной консолидации и образованием национального самосознания у нерусских народностей империи.

Таким образом, противоречивость социально-экономического развития Российской империи в начале XX века дополня-

лась нарастанием напряженности в сфере межнациональных отношений. Данные факторы в итоге привели к кризису самодержавной монархии, которая не смогла разрешить очерченный комплекс проблем и едва не рухнула под натиском первой русской революции. Тем не менее, как нам представляется, именно революционный процесс 1905–1907 гг. не только показал устойчивость самодержавия, но и обнаружил его потенциал к прогрессивному реформированию, действительно необходимому. В данной связи принципиальное значение имел Манифест 17 октября 1905 г., открывший широкие возможности для активизации общественного мнения и организовавший общественно-политическую жизнь Российской империи по образцу ведущих западных держав¹. Возникшие в период 1905–1907 гг. многочисленные политические партии и организации, несомненно, сыграли выдающуюся роль, представив на рассмотрение общественности ряд принципиально отличных проектов возможного развития Российской империи.

На наш взгляд, исключительное значение в этой связи имела умеренно-реформистская доктрина, предложенная премьер-министром П. А. Столыпиным, который разработал стратегию постепенного изменения традиционных институтов Российской империи с учетом специфических условий ее развития и прогрессивных западных тенденций. Самостоятельным элементом столыпинской концепции являлся национализм. Практическое воплощение стратегии премьера действительно требовало поддержки, иначе говоря, организации новой общественно-политической силы, способной последовательно добиваться ее осуществления. Именно в этом качестве и должна была действовать политическая партия русских националистов – Всероссийский национальный союз.

Стоит заметить, что русский национализм, не выступавший до начала XX века в качестве самостоятельной политической силы, активно развивался в рамках преимущественно консервативной традиции русской общественной мысли. Как справедливо указывал один из ведущих идеологов ВНС П. И. Ковалев-

¹ См.: Подробнее о данном процессе: *Ильин С. А.* Русские национал-патриотические организации и манифест 17 октября 1905 г. // *Общественно-политическое развитие российской провинции (XIX–XX вв.)*. Тамбов, 1999. Вып. 1. С. 33–41.

ский, прямыми предшественниками русских националистов начала XX века выступали еще общественные деятели времен правления Александра I такие, как А. С. Шишков и П. И. Пестель². В этой связи, на наш взгляд, стоит согласиться с мнением современной исследовательницы С. М. Саньковой, которая утверждает, что идейная доктрина русского национализма начала XX века представляла собой лишь промежуточный этап в процессе эволюционирования русской национальной идеи, представителями которой ранее выступали М. Щербатов и Ф. Ростопчин, впервые рассматривавшие русскую государственность через призму национальных интересов, декабристы, в частности П. Пестель, оформивший в своих трудах основные принципы русской национальной доктрины, наконец, М. Н. Катков, сформулировавший принцип государственно-национального прагматизма³. Кроме того, укажем и на то, что современные исследователи совершенно справедливо отмечают наличие элементов идейной доктрины национализма в воззрениях славянофилов и представителей официального консерватизма, а также и в государственной политике самодержавной монархии, что наиболее ярко проявилось в период правления Александра III⁴. В то же время отметим, что русский национализм в начале XX века впервые предстал в ином качестве – в виде самостоятельной четко сформулированной идейной концепции, на отдельном этапе даже в известной степени определявшей приоритеты политической линии правительства. В таком виде идеология русского национализма, несомненно, представляла собой чрезвычайно своеобразное явление.

Принципиально важным в этой связи является вопрос о том, почему русский национализм именно в период начала XX века оформился в самостоятельную идейную доктрину.

² Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М. : Книжный мир, 2006. С. 28–29.

³ См.: Санькова С. М. Век русского национализма (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX по начало XX вв.) // Россия в условиях трансформации. Историко-политологический семинар. М., 2003. С. 34–42.

⁴ См.: Кисиль Л.В., Попов Л.А. Русский консерватизм и национализм. Дореволюционный опыт взаимоотношений [Электронный ресурс] // Русская цивилизация. URL : <http://rustrana.ru/article.php?nid=3160&sq=19,23,118,531,963&crypt=> (дата обращения: 09.10. 2007).

Как представляется, этому факту прямо или косвенно способствовали следующие обстоятельства как объективного, так и субъективного характера.

Первой из перечня объективных предпосылок являлся полиэтничный характер русского государства, в рамках которого все сложнее становилось утверждать главенствующее положение державной русской нации, сыгравшей решающую роль в его создании.

Российское государство к началу XX века включало в себя более ста народов. Господствующее положение в нем принадлежало русским, поскольку их было численное большинство. Великорусы, занимая гигантскую сплошную территорию, достигали в 1914 г. по численности примерно 70 миллионов человек, что в процентном соотношении составляло 43 % населения. Далее шли украинцы 17 %, поляки 6 %, белорусы 4,5 % и т. д.⁵ Очень важным фактором являлось то, что в составе Российской империи присутствовали нации и народности, существенно различающиеся по своему национально-культурному облику и уровню развития. Это, с одной стороны, существенно затрудняло интеграцию «инородцев» в государственный организм империи, а с другой – вызывало сложности в проведении единой и последовательной политики в их отношении.

Таким образом, оценивая фактор полиэтничности российского государства, согласимся с мнением исследователя начала XX века А. Е. Алекторова, который в результате масштабного изучения особенностей этнического состава Российской империи пришел к ряду выводов по этому вопросу. Во-первых, он считал, что «нет в мире ни одного государства, кроме Британской империи, столь разнообразного в этнографическом отношении», и поэтому «нужна была огромная энергия в правительстве и народе... чтобы из многого множества разнообразных и даже совершенно несходных между собой... народностей образовать обширную и крепко сплоченную империю». Во-вторых, исследователь констатировал, что «работа русского народа и

⁵ Копченова И. В. Национальный вопрос в Российской империи [Электронный ресурс]. URL : <http://real-st.chat.ru/refКопченоваNation20.htm> (дата обращения: 09.10. 2007).

правительства в этом отношении далеко не закончена»⁶. Кроме того, на наш взгляд, совершенно прав и другой специалист в вопросах межнациональных отношений М. А. Славинский. В статье «Русская интеллигенция и национальный вопрос» автор, сравнивая развитие национальных движений в моно- и полиэтнических государствах, пришел к выводу, что в последнем случае они объективно не получают «нормального» развития, а неизбежно политизируются, вторгаются во все сферы общественной жизни, что приводит к нарастанию социальных конфликтов, а в итоге, к разрушению государственного единства⁷.

В органической связи с первой выступала и вторая объективная причина обострения проблем межнациональных отношений. Связана она была с прогрессом национального самосознания у нерусских народов в новых условиях капиталистического развития конца XIX – начала XX века.

Не вдаваясь в подробности анализа данного процесса, констатируем тот безусловный факт, что именно под воздействием экономической интеграции, связанной с утверждением капитализма, с одной стороны, ликвидировались замкнутые экономические «ниши», исторически занимаемые отдельными нерусскими народностями в хозяйственной структуре империи, и образовался единый рынок, а с другой – народности, проживающие на территории империи, составили особые социально-этнические группы, иными словами, нации нового типа, обладающие значительным уровнем самосознания. Именно развитие капиталистических отношений, вследствие которых заведомо конфликтогенные социально-экономические устремления различных слоев общества усугублялись национальными противоречиями, существующими между ними, по мнению представителей социал-демократии, являлось главной причиной обострения ситуации в межнациональных отношениях⁸. Представляется, что с данным утверждением сложно не согласиться.

⁶ *Алекторов А. Е.* Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб. : тип. Леонтьева, 1906. С. 2–3.

⁷ См.: *Славинский М. А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // *Интеллигенция в России.* СПб., 1910. С. 220–234.

⁸ Подробнее об этой точке зрения см.: *Ландер К.* К теории национального вопроса // *Современник.* 1915. № 10. С. 180–190; *Левин И.* Национальный вопрос и социал-демократия // *Русская мысль.* 1909. № 10. С. 165–169.

Кроме того, острота и актуальность национального вопроса в Российской империи объяснялась объективно существующими причинами, которые вытекали из теоретического постулата, разработанного профессором А. Д. Градовским, о том, что между отдельными нациями, достигшими определенного этапа в развитии, невозможны добрососедские взаимоотношения в силу эволюционирования их национального самосознания, ставившего перед ними одни и те же политические задачи – организацию собственного независимого национального государства⁹. В особенности данная проблема, по мнению ученого, существовала для полиэтнических государств, в которых в силу исторических причин численно господствует одна державная нация. Классическим примером такого государства являлась как раз Российская империя.

Мнение о том, что сколько-нибудь крупный этнос стремится в конечном итоге к собственному территориально-государственному оформлению, поддерживалось не только научной мыслью того времени¹⁰, но и в известной степени разделяется и представителями современной исторической науки. Так, исследователь В. С. Дякин утверждает, что «как правило, начинаясь с движения в защиту и развитие собственной культуры, процесс национального самосознания приходит... к лозунгу территориальной автономии, а при обстоятельствах, благоприятствующих радикализации требований – к идее полной независимости»¹¹. Сходной позиции придерживается и Е. С. Барсенков¹². Таким образом, именно неизбежная эволюция самосознания приводила к появлению у нерусских народностей политической идеологии национального сепаратизма, которая оказывала существенное деструктивное влияние на весь ход исторического развития Российской империи, объективно уг-

⁹ *Градовский А. Д.* Национальный вопрос // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 3. С. 259.

¹⁰ Подробнее см.: *Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. М. М. Кастелянского.* СПб., 1910. С. V–IX.

¹¹ *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // *Вопросы истории.* 1996. № 11–12. С. 39.

¹² Подробнее см.: *Барсенков Е. С.* Русский вопрос в зеркале истории // *Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения.* М., 1995. С. 52–56.

рожая ее государственному единству и существенно обостряя проблемы межнациональных отношений. Усугублялась ситуация фактом незавершенности к началу XX века процессов консолидации русской национальной общности, что приводило к тому, что русские становились в условиях утверждающихся капиталистических отношений аутсайдерами в собственной стране.

Кроме того, возникновению политического движения русского национализма способствовала и политика самодержавия.

По нашему мнению, правительственная линия однозначно способствовала обострению проблем межнациональных отношений в Российской империи в начале XX века, поскольку характерной ее чертой была в высшей степени непоследовательность в осуществлении конкретных политических мероприятий. Как представляется, данный факт был вызван прежде всего стремлением правящих кругов, с одной стороны, обеспечить безболезненную интеграцию нерусских народностей в общеимперский организм, что возможно было осуществить лишь оформлением с помощью значительных уступок лояльной позиции со стороны окраин в отношении центрального имперского правительства. Именно это объективно и приводило к тому, что, пользуясь значительной самостоятельностью и комфортным положением, окраинная интеллигенция начинала неизбежно стремиться к автономному, а потом и к вовсе независимому политическому существованию, искренне веря в возможность осуществления своих национальных мифов (например, концепции польского сепаратизма о воссоздании великого государства Польши «от моря до моря»). Не следует забывать также и о том, что подобную политику самодержавие проводило избирательно, лишь в отношении «культурных» окраин, а данное обстоятельство вызывало недовольство со стороны остального нерусского населения империи. Таким образом, политика правительства, направленная на создание единой общеимперской гражданственности, приводила к совершенно противоположным результатам.

С другой стороны, самодержавие стремилось достигнуть реализации принципа имперского благоудобства на основе

признания безусловного приоритета интересов русской нации, с чем было связано стремление проводить (хотя бы и в ограниченном виде) русскую национально-культурную экспансию, что также осуществлялось непоследовательно, зачастую без учета местных интересов и реальной общественно-политической обстановки.

Такого рода политика приводила к ухудшению положения русских в империи. Так, например, в своем фундаментальном труде современный историк Б. Н. Миронов на основе привлечения широкого массива статистических данных ярко показал, что прямым следствием политики правительства, не учитывающего интересы русской нации, стал беспрепятственный доступ «инородцев» к земельным ресурсам губерний с преобладанием русского населения, в результате чего коренное население этих районов стало находиться в экономическом смысле в подчиненном положении. В итоге, как показывает Миронов, к 1917 г. в Российской империи сложилась во многом парадоксальная ситуация, следствием которой стало падение численности русского населения по отношению к нерусскому от 44,6 % к 55,4 %¹³.

Анализируя политику правительства, либеральный публицист начала XX века В. Троицкий отмечал: «Русская окраинная политика того времени (XIX века – П. С.), совершенно не считалась ни со своеобразным укладом местной жизни, ни с исторически сложившимися взаимоотношениями отдельных регионов»¹⁴.

Темпы и уровень «русификации» отдельных регионов существенно различались, поскольку национальная политика проводилась по принципу «наименьшего сопротивления» со стороны «инороднических» окраин. Другими словами, там, где правительственные круги чувствовали возможность добиться полной как политической, так и культурной русификации, ими предпринимались сверхусилия для того, чтобы уничтожить развитие местного национального сознания на корню. Естественно, что иногда правительство в таком стремлении явно «перегибало палку», проводя меры откровенно репрессивного ха-

¹³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : изд-во Дмитрия Буланина. Т. 1. С. 22–25.

¹⁴ *Троицкий В.* Письма о нациях и областях // *Русская мысль*. 1911. № 8. Отд. 2. С. 77.

рактера. Характерным примером являлась политика самодержавия в отношении кавказских народов, в частности армян.

Публицист М. Павлович, анализируя ситуацию в регионе, заявлял, что, хотя среди армян отсутствуют сколько-нибудь заметные антирусские настроения, скорее, наоборот, имеет место стремление к более тесному союзу с Россией, самодержавная политика прямо дискриминирует местное население, чем вызывает ответный взрыв армянского сепаратизма в лице деятельности партии «дашнакцутюн»¹⁵. Именно такого рода русификаторская политика, которая нарушала законные интересы окраин, по мнению представителей левой интеллигенции, становилась главной причиной обострения национального вопроса. Примечательно, что такая позиция, правда, в явно преувеличенном виде нашла свое отражение в позднейшей советской историографии¹⁶.

По нашему мнению, следует согласиться с теми современными исследователями данной проблематики, которые считают, что именно национальная политика правительства крайностей, «с середины на половину», долгое время осуществляемая без какого-либо единого замысла при отсутствии удачного сочетания методов «кнута» и «пряника», вызвала органическое недовольство как со стороны национально настроенных представителей интеллигенции, о чем уже говорилось, так и у «инороднической» элиты, объективно накаляя межнациональные противоречия¹⁷. Непоследовательность национальной политики наиболее ярко проявилась в период с 1904 по 1912 гг., когда первоначальное смягчение правительственного курса в национальном вопросе¹⁸ сменилось

¹⁵ Павлович М. Россия и армянский вопрос // Современник. 1913. № 11. С. 58–74.

¹⁶ См., например, работы: Алексеев В. Народы России и их свободное устройство. М. : Университет. библиотека. 31 с.; Бурмистрова Т. Ю., Русакова В. С. Национальный вопрос в программных документах и тактика политических партий в России. М. : Мысль, 1976. 263 с.; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–73 и др.

¹⁷ См.: Дякин В. С. Указ. соч.; Санькова С. М. Русская партия в России. Орел : Изд. Светлана Зенина. С. 29–33.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Волхонский М. Н. Национальный вопрос в Российской империи и правительственные круги : указ от 12 дек. 1904 г. // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 3 . С. 55–72.

последовательным наступлением на права нерусского населения¹⁹.

Таким образом, очевидно, что возникновение русского национализма стало объективным явлением, спровоцированным преимущественно характером русской имперской государственности, которая, по замечанию С. М. Сергеева, являлась антиподом национального государства, в которой быть русским, как подчеркивалось выше, было невыгодно²⁰. В этой связи русский национализм, как могло показаться, обладал весьма перспективным потенциалом и должен был стать прогрессивным проектом развития Российской империи по пути ее преобразования в национальное государство по образцу и подобию ведущих стран Западной Европы. Однако этого не произошло.

Идеология русского национализма явилась непосредственным защитником и проводником русских национальных интересов, которые и должны были, по мнению теоретиков Всероссийского национального союза, определять насущные практические задачи правительственной политики.

Кроме того, согласимся с рядом современных исследователей, которые отмечают, что русский национализм активизировался в качестве самостоятельной идейной доктрины под влиянием масштабного кризиса таких традиционных институтов русской государственности, как церковь и самодержавие²¹.

¹⁹ Современная исследовательница А. В. Щербинина считает, что ужесточение правительственного курса в межнациональных отношениях на рубеже 10-х гг. XX в. явилось прямым следствием убыстряющейся тенденции по дерусификации империи, что не могло не заметить правительство, которое в качестве спасительных мер взяло курс на повышенную национально-культурную русификацию, централизацию и унификацию всех сфер жизни. Подробнее см.: *Щербинина А. В. Эволюция этнического состава населения российской империи и ее влияние на имперскую политику правительства XIX – начала XX вв. (постановка проблемы) // Россия XIX – начала XX века: Государственный строй, реформы, общественно-политическая мысль, экономическое развитие. – Ростов н/Д, 1997. С. 49–59.*

²⁰ *Сергеев С. М. Пришествие нации? С. 186.*

²¹ Наличие масштабного кризиса русской государственности в период правления Николая II подтверждается и многочисленными статистическими данными. См.: *Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 58–76; Санькова С. М. Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М. Н. Каткова [Электронный ресурс] // Консерватизм в мире: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/sankova/sankova.html> (дата обращения: 09.10.2007).*

В данном отношении русский национализм выступил в качестве своеобразной модификации консервативной парадигмы общественной мысли. Идеологи национализма пытались модернизировать и реанимировать традиционные ценности русской общественности и именно на их основе обеспечивать поступательно-прогрессивное развитие русского государства.

Несомненно, важнейшей предпосылкой появления четко оформленной доктрины русского национализма явились и конкретные исторические события начала XX века такие, как проигранная русско-японская война, вызвавшая, с одной стороны, мощный патриотический подъем в массах, а с другой – показавшая наличие многочисленных изъянов и злоупотреблений в системе русской государственности; события первой русской революции, с одной стороны, активизировавшие революционно-оппозиционные силы, а с другой – сплотившие защитников самодержавия, а также уже упомянутый Манифест 17 октября 1905 г., позволивший легально утверждать и пропагандировать идеи русского национализма.

Политическая организация русских националистов (Всероссийский национальный союз) последовательно формировалась в период с 1907 по 1910 гг. на базе правых и умеренных общественно-политических организаций, которые олицетворяли собой патриотическое движение, имевшее, по мысли исследователя О. А. Платонова, здоровый характер, поскольку охраняло законные интересы русской нации²². Данный факт, как было показано в историографическом обзоре, позволял как советским, так и части современных исследователей причислять ВНС к правому общественно-политическому спектру, фактически не акцентируя внимания на существующих различиях между националистами и крайне правыми, черносотенцами. Представляется, что данная позиция являлась лишь отчасти справедливой. Действительно, русских националистов и крайне правых роднили между собой многие исходные мировоззренческие установки. Так, как справедливо указал современный исследователь данной проблематики Дж. Раскин, оба этих общественно-политических направления представляли

²² Платонов О. А. История русского народа в XX веке. М. : Родник, 1997. Т. 1. С. 78.

собой непосредственную реакцию на кризис общественно-политического строя Российской империи, а характерными чертами идеологии черносотенцев и националистов являлись следующие установки: утверждение об особом характере политической власти в Российской империи, основанной на единстве монарха и народа; ориентация в своих политических построениях на уваровскую триаду; примат интересов нации и государства над устремлениями личности; аполитичность; антибюрократизм; наличие особой программы в сфере образования и воспитания, признание приоритета аграрного сектора в экономике; нацеленность на практическую реализацию лозунга «Россия для русских»²³. Безусловно, русских националистов и черносотенцев роднил и схожий состав их социальной базы.

Однако идейная доктрина русского национализма отличалась значительно от крайне правой. В этой связи заметим, что ключевыми элементами идеологии ВНС являлись категории «нация» и «национализм», в то время как в идейных построениях крайне правых данные компоненты имели сугубо подчиненное значение и выполняли функцию обоснования необходимости сохранения традиционной общественно-политической и социально-экономической систем. Данный факт в значительной степени определял новаторский подход теоретиков ВНС к решению актуальных политических задач. Кроме того, по заявлениям самих теоретиков русского национализма, их доктрина в отличие от черносотенной была основана на идеях прежде всего зарубежных национал-либеральных идеологов конца XVIII – начала XIX веков, а также и представителей русской консервативной мысли²⁴. Как видим, в данном отношении идеологи ВНС находились в двусмысленном положении: провозглашали себя, с одной стороны, западниками национал-либерального толка, а с другой – прямыми продолжателями русской национальной идеи. Именно это обстоятельство и пре-

²³ См.: *Раскин Д. И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. Ч. 1. С. 3–39.

²⁴ Подробнее об идейных предшественниках русских националистов см.: *Дьяченко А. Н.* Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ : дис. канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 63–67.

доопределило в итоге чрезвычайную противоречивость их идейных построений.

Второй главной чертой, существенно отличающей ВНС от крайне правых черносотенных организаций, являлось то, что политическая организация русских националистов получила свое окончательное оформление, главным образом, при участии правительственных структур, в частности, П. А. Столыпина, для которого она становилась безотказным механизмом в системе парламентской монархии, с помощью которого возможно было проводить те или иные необходимые правительству решения. В этой связи современный исследователь Д. А. Коцюбинский прямо называет ВНС помещичьей опорой авторитарно-либеральному курсу П. А. Столыпина.²⁵

Таким образом, в отличие от крайне правых, имеющих весьма аморфную политическую организацию, умеренно-правый ВНС изначально планировался его создателями в качестве сильной и действенной парламентской силы, имеющей четко определенные функции и задачи.

В связи с тем, что подробно история политической организации русских националистов рассмотрена в работах Д. А. Коцюбинского и С. М. Саньковой,²⁶ лишь коротко остановимся на освещении данного вопроса.

Процесс формирования ВНС в качестве партии русских националистов был весьма длительным по времени, а его непосредственным результатом явилось слияние нескольких родственных общественно-политических групп в 1910 г. Организационно-идейными предшественниками ВНС стали преимущественно региональные умеренно-правые объединения, такие как Тульский союз «За Царя и порядок», Партия правового порядка, Бессарабская партия центра и другие. Все эти организации выступали против революции и рассматривали новый «конституционный» порядок, утвердившийся после 17 октября

²⁵ См. подробнее: *Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма на примере партии ВНС // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : сб. науч. статей / под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2004. Вып. 1. С. 79–105.*

²⁶ См.: *Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М. : РОССПЭН, 2001.; Санькова С. М. Русская партия в России. 1908–1912. Орел : Изд. Светлана Зенина, 2006. 370 с.*

1905 г., в качестве плацдарма для поступательного развития Российской империи. Таким образом, как видим, изначально позиция идейных предшественников ВНС во многом сближала их с октябристами. Данный факт явился главной причиной разногласий лидеров будущего ВНС внутри единого правого блока и их последующего выхода из него в начальный период работы Третьей Государственной думы.

На втором этапе организационного оформления ВНС, проходившем в 1907–1908 гг., в его становлении первостепенную роль играли лидеры думской фракции умеренно-правых, такие как В. А. Бобринский, П. Н. Крупенский, Д. Н. Чихачев, и национальной группы во главе с кн. А. П. Урусовым. Обе эти организации наряду с октябристами вошли в состав единого правоцентристского большинства, служащего думской опорой курса П. А. Столыпина. Однако, как отмечает Д. А. Коцюбинский, слияние двух родственных групп в течение длительного времени было затруднено вследствие личного соперничества двух лидеров, П. Н. Балашева и А. П. Урусова.

Третий этап ознаменовался образованием весной-летом 1908 г. Всероссийского национального союза, в состав которого вошли преимущественно члены национальной группы. Целями ВНС объявлялось содействие: господству русской народности в пределах Российской империи, укреплению сознания русского народного единства, устройству русской бытовой взаимопомощи и развитию русской культуры, а также упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным представительством²⁷. ВНС конституировался в качестве либерально-консервативной партии, находящейся на правом фланге правоцентристского партийно-политического спектра. Организационно ВНС представлял собой элитарную общественную организацию, в состав которой входили представители интеллектуальной, политической и бюрократической элиты российской столицы. На региональном уровне ВНС в то время особого влияния не имел.

²⁷ См: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 30–43; Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность ВНС. 1908–1912. Орел : Изд. Светлана Зенина, 2006. 370 с.

Последний этап организационного оформления ВНС был связан с вхождением в его состав партии умеренно-правых, образовавшейся в течение декабря 1908 – марта 1909 гг., лидером которой стал П. Н. Балашев, стремившийся к созданию массовой единой партии русских националистов. 31 января 1910 г. было провозглашено создание нового ВНС, в составе которого ведущую роль стали играть «балашевцы», что ознаменовало «левение» программных установок союза, а это спровоцировало выход многих сторонников кн. Урусова из его состава. Благодаря активной деятельности П. Н. Балашева, получавшего всяческую поддержку со стороны Столыпина, ВНС в короткий срок значительно расширил сферу собственного влияния, превратившись в организацию, имеющую разветвленную сеть региональных отделений, прежде всего, на имперских окраинах, в Западном крае.

В 1912 г. состоялся первый съезд ВНС, на котором в Союз влились многие региональные общественные организации, среди которых наиболее влиятельными были Киевский клуб русских националистов, Воронежский национальный клуб, Подольский союз русских националистов. По данным Д. А. Коцюбинского, общая численность членов ВНС в данный период времени приближалась к 5 тыс. человек, а его социальной основой являлись преимущественно представители крупных помещиков, перешедшие к интенсивным формам ведения хозяйства²⁸.

Думская фракция являлась центром партийной жизни ВНС и принимала деятельное участие в работе Третьей Государственной думы. В ее стенах ВНС выполнял, наряду с октябристами, роль главного механизма в системе правительственного большинства, полностью поддерживая курс П. А. Столыпина. При этом националисты постоянно колебались между крайне правыми, с которыми их роднила позиция по национальному вопросу, и октябристами, с которыми они сходились в вопросах стратегии и тактики проведения реформ. Стоит заметить, что ВНС имел весьма значительное влияние в рамках Третьей Государственной думы, поскольку именно по его инициативе были проведены важнейшие законопроекты о выделении Холмщины из состава

²⁸ См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 37.

Царства Польского и о введении земства в 6 губерниях Западного края. Тем не менее, исходное промежуточное положение ВНС в общественно-политическом спектре, а также противоречивость идейных установок организации ставили под угрозу его политическое и идейное единство. Так, уже в 1911 г. из состава единого ВНС вышла группа «независимых националистов» П. Н. Крупенского, появилось течение национал-демократизма во главе с Д. Я. Балясным, а в период премьерства В. Н. Коковцова в составе ВНС выделилось два крыла: правое, лидером которого являлся П. Н. Балашев, выступавший за тесный союз с крайне правыми, критикующий премьера Коковцова, и левое, возглавляемое В. В. Шульгиным, А. И. Савенко и В. Я. Демченко, стремящимися к альянсу с октябристами и в целом поддерживающими курс нового премьера. В итоге, в период с 1913 по 1915 гг. организационный кризис ВНС последовательно усугублялся, чему способствовали такие события, как «Дело Бейлиса» и раскол в клубе русских националистов. В 1915 г. В. А. Бобринский и В. В. Шульгин образовали «прогрессивно-национальную группу», вошедшую в состав Прогрессивного блока, что фактически оформило организационный крах ВНС.

Таким образом, феномен русского национализма во многом явился уникальным явлением русской общественно-политической жизни, в связи с чем представляется необходимым последовательно изучить его идейную доктрину. Именно поэтому в центре внимания данной монографии находятся общественно-политические взгляды двух ведущих теоретиков ВНС: знаменитого публициста газеты «Нового времени» М. О. Меньшикова и известного профессора психиатрии П. И. Ковалевского.

Павел Иванович Ковалевский родился в 1850 г. в небольшом городке Петропавловка Екатеринославской губернии. Происходил будущий выдающийся профессор и идеолог ВНС из семьи священника. В начальный период своей жизни П. И. Ковалевский столкнулся с громадными трудностями. Так, на шестой неделе жизни он лишился отца и вместе с малолетним братом и двумя сестрами остался на попечении матери при десятирублевой пенсии в год. Только благодаря стараниям «энергичной и разумной женщины»²⁹, которая смогла организовать домаш-

²⁹ Платонов И. П. И. Ковалевский (по поводу десятилетия издаваемого им «Архива психиатрии») // Южный край. 1893. № 4123.

нюю школу для обучения местных детей грамоте, Павел Иванович не только получил начальное образование, но и в девять лет был определен в духовное училище полупансионером. Уже в старших классах он оказывал значительную помощь семье, выполняя переводы с греческого языка на латынь, а также занимаясь репетиторством. Феноменальная трудоспособность и несомненный талант в усвоении научных знаний позволили Павлу Ивановичу в период с 1869 по 1874 гг. с отличием окончить сначала Екатеринославскую семинарию, а впоследствии и медицинский факультет Харьковского университета, где он был удостоен звания уездного врача и степени лекаря. Именно в стенах университета в ходе работы Павла Ивановича в лаборатории общей патологии профессора И. Н. Оболенского окончательно оформились его профессиональные интересы, связанные с изучением душевных и нервных болезней. Его высокий профессионализм, несомненные успехи в учебе способствовали тому, что именно с середины 70-х гг. XIX века начался новый период в его жизни, ознаменованный быстрым карьерным ростом и научными успехами, благодаря которым Павел Иванович стал известнейшим ученым. Все это сопровождалось и несомненным улучшением его материального благосостояния. Журналист Платонов отмечал: «Теперь ему жизнь, как бы в награду за прошлое трудное стала улыбаться. Энергия, непрерывный труд и непреклонная воля доставили Павлу Ивановичу существование лучшее относительно людей с равными с ним условиями»³⁰.

В 1875 г. Ковалевский был оставлен при Харьковском университете для приготовления к профессорскому званию по нервным и душевным болезням. В рамках подготовки диссертационного исследования ученый осуществлял широкомасштабную деятельность по практическому наблюдению за состоянием домов для умалишенных и нервнобольных. Еще в 1874 г. молодой врач начал работать сверхштатным ординатором харьковской земской больницы по отделению душевно больных. За время работы на этой должности Ковалевским были предложены и успешно реализованы новаторские инициативы как по улучшению быта больных, так и относительно методов их

³⁰ Там же.

лечения. Ученый разработал принципиально новую методику организации реабилитации умалишенных, основанную на широком применении физического труда, которую впоследствии широко пропагандировал и применял на практике³¹. В 1875 г. Ковалевский изучал условия существования душевнобольных и в Казани. В 1876 г. за казенный счет был отправлен за границу совершенствоваться в науках, готовить диссертационное исследование. Уже в 1877 г., вернувшись из-за границы, Ковалевский блестяще защитил диссертацию и был избран приват-доцентом Харьковского университета по нервным болезням³². С этого времени, работая по специальности, ученый осуществлял широкомасштабную деятельность как научно-исследовательского, так и практического характера. С 1878 по 1881 гг. профессор совмещал должности старшего врача губернской харьковской больницы, заведующего домом для умалишенных, одновременно являлся доцентом психиатрии при Харьковском университете, где читал специальный курс на основе собственных научных изысканий. С 1882 г. Павел Иванович полностью сосредоточился на научной работе. Вскоре Ковалевский был назначен на должность экстраординарного профессора Харьковского университета по кафедре душевных и нервных болезней. В данном качестве ученый развернул поистине масштабную организаторскую деятельность с целью содействия поступательному развитию психиатрической науки. Так, фактически на свои средства Ковалевский в период с 1882 по 1898 гг. издавал специальные журналы: «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», «Журнал медицины и гигиены», в которых печатались труды в основном молодых и перспективных ученых, активно издавались работы зарубежных классиков психиатрической науки. Кроме того Ковалевский редактировал такие специальные издания, как «Русский медицинский вестник», «Вестник идиотии и эпилепсии», «Вестник душевных болезней», а также в течение пятнадцати лет являлся соредакто-

³¹ О сущности данной методики см. работу: *Ковалевский П. И.* Очерк состояния психического отделения для мужчин при Харьковской губернской земской больнице и клинического наблюдения, собранного в этом отделении. М. : Университетская тип., 1877. 90 с.

³² *Современники // Альбом биографий Н. И. Афанасьева.* СПб. : тип. А. Суворина, 1909. Т. I. С. 133.

ром выходявшего в Германии европейского психиатрического журнала³³. При непосредственном участии Павла Ивановича в 1888 г. состоялся первый общероссийский съезд психиатров, что явилось заключительным этапом в оформлении отечественной психиатрической науки. Одновременно профессор принимал участие и в деятельности многих общественных организаций: сотрудничал в институте милосердия Красного Креста, являлся членом правления его Петербургского комитета, состоял в родительском кружке и в обществе призрения калек и идиотов³⁴. Кроме того с начала XX века Ковалевский был консультантом Свято-Троицкой больницы и занимался врачебной практикой.

Результатом масштабной научно-практической деятельности, проводимой П. И. Ковалевским, стала разработка им важнейших научных теорий, таких как материалистическое представление о сущности психических явлений в норме и патологии, теория психозов, положения о роли кровообращения в центральной нервной системе и др. За свои заслуги в области развития медицинской науки Ковалевский в конце XIX века получил ряд правительственных наград, среди которых орден Святого Владимира, золотая табакерка имени императора Александра III, а также чин действительного статского советника.

Общественно-политическое мировоззрение будущего теоретика ВНС формировалось преимущественно под влиянием консервативно настроенных профессоров Харьковского университета, в стенах которого произошло его становление в качестве профессионального ученого. Кроме того, привитые ему с детства такие черты его мировоззренческой позиции, как убежденный монархизм и приверженность православию предопределили органическое неприятие оппозиционных и нигилистических настроений в любом виде. Лояльность и поддержка Ковалевским существующей политической системы обусловили и высокую степень доверия, оказываемого ему со стороны правительственных структур. Данный факт проявился прежде всего в его назначении на ответственный пост ректора Варшавского университета. Во время своего короткого пребывания на этой

³³ *Петрюк П. Т.* Павел Иванович Ковалевский – известный отечественный психиатр // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь националист. М., 2005. С. 233.

³⁴ *Современники.* С. 135.

должности П. И. Ковалевский стремился поставить образовательное учреждение на высоту, достойную имени русского университета. При этом основным направлением его деятельности стало привлечение к работе молодых ученых и принятие мер по облегчению материального положения учащихся³⁵. Кроме того, П. И. Ковалевский широко практиковал проведение лекций, полных научной новизны, что существенно подняло научный авторитет университета. Немаловажным аспектом деятельности профессора стала его борьба с проявлением польского сепаратизма как среди преподавательского состава вуза, так и среди учащихся. Именно в это время при приеме в университет обращалось внимание на национальную принадлежность и политическую лояльность абитуриентов по отношению к русской нации и государству. Таким образом, видимо, уже в период работы в Варшавском университете П. И. Ковалевский имел устоявшееся национал-консервативное мировоззрение. Прямым следствием проводимой им работы стало то, что в скором времени против него в стенах университета сформировалась оппозиция. Во многом по этой причине, а также вследствие тяжелой болезни, перенесенной летом 1896 г., П. И. Ковалевский вынужден был оставить свой пост и был причислен к министерству народного просвещения.

С начала XX века наступает новый этап в жизни ученого. С этого времени его научная и врачебная деятельность отходят на второй план, а он, ведя преимущественно светский образ жизни, постепенно меняет круг своих интересов и начинает изучать политику и историю Отечества. С начала XX века П. И. Ковалевский становится участником консервативного общественного движения, посещает многочисленные светские рауты, организованные представителями правой интеллигенции. В это время П. И. Ковалевский являлся членом влиятельных общественных организаций таких, как «Русское собрание» и «Русское окраинное общество», а также активно контактировал со многими правыми, например, с А. В. Дружининым и литератором В. А. Волкович³⁶. Редактор «Московских

³⁵ Современники. С. 134.

³⁶ Письмо П. И. Ковалевского Дружинину А. В. // РГАЛИ. Ф.167 (Дружинины). Оп. 3. Д. 176; Письмо П. И. Ковалевского В. А. Волкович // ОР РГБ. Ф. 55 (Волкович В. А.). Оп. 6. Д. 46а.

ведомостей», известный своим консервативным мировоззрением, С. А. Петровский также находился в среде близких знакомых П. И. Ковалевского. Так, в дружеском письме к последнему Петровский даже предлагал будущему идеологу русского национализма сотрудничать со своим изданием³⁷. Правда, П. И. Ковалевский, видимо, еще не чувствуя в себе призвания публициста, отказал ему.

Окончательному становлению национал-консервативного мировоззрения Ковалевского, безусловно, способствовала первая русская революция, которая в значительной степени активизировала крайне правое общественное движение. В период 1905–1907 гг. Ковалевский, поддерживая черносотенное антиреволюционное движение, постепенно формирует собственную идейную доктрину национал-консерватизма. Проводя много времени в своем кавказском имении, мыслитель первоначально писал небольшие исторические этюды, которые впоследствии превратились в знаменитые «психиатрические эскизы», а в период организации и первые годы существования ВНС появляются его обобщающие работы по истории России, Украины и Кавказа³⁸. Оценивая содержание этих работ, следует отметить, с одной стороны, их откровенно публицистический характер, а с другой – наличие единого по своей сути замысла, последовательно реализуемого автором. Так, события русской истории в своих работах Ковалевский оценивал с позиций критерия национального прагматизма, обосновывая тем самым значимость национализма для русской государственности. Отметим, что подобные исторические изыскания получили впоследствии широкое признание со стороны других теоретиков ВНС и стали частью общепартийной идеологии. Кроме того, обращает на себя внимание и новаторский подход Ковалевского к анализу личности государственных деятелей, совмещающий в себе черты исторической и естественнонаучной методологии.

³⁷ Письмо С. А. Петровского П. И. Ковалевскому // ОР РГБ. Ф. 224 (С. А. Петровский). Оп. 1. Д. 70.

³⁸ См. работы: *Ковалевский П. И.*: 1) История Малороссии. СПб. : тип. Коротаевой, 1912. 220 с.; 2) История России с национальной точки зрения. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 108 с.; 3) Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. Народы Кавказа. СПб. : Тип. Акинфиева, 1911. Т. 1. 333 с.; 4) Завоевание Кавказа Россией. СПб. : Тип. Акинфиева, 1914. Т. 2. 343 с.

Наиболее яркой в этом отношении явилась работа профессора, посвященная анализу личности и деятельности Ивана Грозного, в которой все просчеты и перекосы его политики мыслитель объяснял особенностями психического состояния русского царя. Стоит заметить, что зачастую такой подход становился объектом весьма критического рассмотрения. Так, литератор И. Дубровский, анализируя указанный труд П. И. Ковалевского, подверг в своей рецензии уничтожающей критике не только главный метод психиатрической науки, но и его применение для оценки исторической личности³⁹. Как представляется, подобное критическое отношение к историческим изысканиям Ковалевского являлось вполне справедливым вследствие их чрезвычайной публицистичности, а также потому, что при анализе исторической личности мыслитель чрезвычайно злоупотреблял применением естественнонаучных методов психиатрии, рассматривая ее вне исторического контекста. В данной связи подход Ковалевского к анализу исторических событий невозможно было назвать научным, на что, однако, претендовал сам автор.

Особое внимание в это время Ковалевский уделял и проблемам отечественного образования. Непосредственным результатом изысканий мыслителя в данном направлении стало создание концепции национального воспитания и образования, которую мыслитель пытался реализовать на практике. Так, в письме к своей тете Т. А. Гранской Ковалевский излагал основы новаторского проекта реорганизации школы им. Солодовникова в Москве. При этом теоретик делал упор на существенные отличия предлагаемой им концепции организации учебного процесса от принятой в Российской империи⁴⁰. Однако практическая реализация данного проекта остановилась уже на обсуждении первой его части, связанной с новыми требованиями, предъявляемыми к учебной программе.

Возникновение Всероссийского национального союза и последующая консолидация движения русских националистов, по-видимому, с интересом воспринимались мыслителем.

³⁹ См.: *Ковалевский П. И.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Харьков : Тип. Зильберга, 1893. 202 с.

⁴⁰ Письмо П. И. Ковалевского Т. А. Гранской // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинский В.А.). Оп. 1. Д. 3556.

В архивах не удалось найти сведений, говорящих о каком-либо участии Ковалевского в данных процессах. Однако логично предположить, что идейная доктрина новой организации полностью совпадала с его мировоззренческой позицией. Хотя П. И. Ковалевский на протяжении всей деятельности ВНС не входил в состав парламентской фракции националистов, его роль в движении русского национализма трудно переоценить. Он довольно быстро зарекомендовал себя в качестве признанного теоретика русского национализма, дал исчерпывающие формулировки базовым понятиям новой идейной концепции. Так, в период расцвета деятельности ВНС (1911–1912) он выступил с рядом теоретических работ⁴¹, в которых обосновывал ключевые понятия националистической доктрины, разъяснял собственное понимание программных основ и деятельностных установок ВНС. При этом работы мыслителя оказали существенное влияние на других идеологов организации, а его формулировки основных понятий доктрины национализма, таких как «нация» и «национализм», были приняты на вооружение официальной партийной пропагандой. Знаменательно, что центральный теоретический трактат Ковалевского выдержал целую серию переизданий, в том числе за рубежом.

Кроме того, мыслитель принимал деятельное участие и в работе общественных организаций русских националистов. При его непосредственном содействии был создан Всероссийский национальный клуб в качестве культурно-просветительской организации, главной целью которой являлась пропаганда идей русского национализма. П. И. Ковалевский занимал в ВНК ведущее положение, являлся его старшиной, председателем научно-политического (лекторского) отдела, а также членом редакционной комиссии главного периодического издания организации – Известий ВНК, на страницах которых часто публиковались его теоретические трактаты⁴². В период с 1911 по 1915 гг.

41 См.: *Ковалевский П. И.* Александр III – царь националист. СПб. : тип. Коротеевой, 1912. 144 с.; *Его же.* История России с национальной точки зрения; *Его же.* Национальное воспитание и образование в России. СПб. : Изд. ВНК, 1910. 94 с.; *Его же.* Основы русского национализма. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 66 с.; *Его же.* Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 394 с.

42 См.: Известия ВНК. 1911. № 1. С. 25, 28, 29.

Ковалевский сотрудничал также и с некоторыми региональными периодическими изданиями националистической ориентации. Кроме того, профессор внес неоценимый вклад и в дело пропаганды идей союза на местах. Выполняя решения первого съезда русских националистов, прошедшего в Петербурге в 1912 г., с целью организации местных отделов ВНС Ковалевский совершил ряд поездок по стране, в основном в центральные и западные губернии, где читал лекции о сущности идеологии русского национализма. Заметим, что данное обстоятельство способствовало активизации движения националистов на местах.

Ковалевский в качестве теоретика русского национализма, как и многие другие адепты идеологии ВНС, претерпел определенную эволюцию в своих воззрениях. Так, если в начальный период существования политической организации Ковалевский находился на позициях, близких по своей идейной сущности октябризму, а в период с 1911 по 1912 гг. полностью разделял идеи национал-демократов, в частности, М. Я. Балясного, то впоследствии все более симпатизировал правому крылу ВНС, ратуя вслед за его лидером П. Н. Балашевым за создание прочного союза с крайне правыми.

В период начала мировой войны и нарастания кризисных явлений как в стране, так и в организации русских националистов П. И. Ковалевский отходит от ведения активной пропагандистской деятельности, видимо, интуитивно чувствуя надвигающуюся катастрофу. Тем не менее, в 1915 г. вышла важнейшая теоретическая работа профессора, в которой подводился итог его изысканиям относительно определения сущности понятий «нация» и «национализм», а также давалась исчерпывающая характеристика основных черт русского национального типа⁴³. Кроме того, ученый активно участвовал в пропагандистском движении патриотического характера в начальный период мировой войны, выступив в печати с имевшей огромный успех статьей, которая характеризовала негативные особенности немецкой нации, доказывал справедливость ведения войны со стороны Российской империи⁴⁴.

⁴³ См.: *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Пг. : (б. и.), 1915. 93 с.

⁴⁴ См.: *Ковалевский П. И.* Немцы – психологический очерк // Наши враги. Очерки. Пг., 1915. Вып. 1. 72 с.

С 1916 г. Ковалевский окончательно отошел от активной общественной деятельности и работал в Петроградском университете, где на юридическом факультете читал курс судебной психологии. Революция 1917 г. для теоретика русского национализма, как и для многих представителей русской интеллигенции, ознаменовала собой личную катастрофу. В это время профессор имел все основания бояться за себя и своих близких. По его собственному признанию новая власть поставила его на край гибели: «Все, что я копил, у меня отобрали... лишили службы, отобрали пенсию, не дали ни гроша. Практики никакой. Лечить пришлось бы или всех, или никого. Умирай с голоду. За границу не пускали»⁴⁵, – писал Ковалевский своему бывшему коллеге по партии митрополиту Евлогию. Во многом под влиянием такого рода обстоятельств Ковалевский был вынужден поступить на службу большевистскому режиму, который он органически не принимал. Так, он служил главным врачом отряда Красной Армии, на себе испытал все ужасы гражданской войны, впоследствии работал главным врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде, а с 1924 г. читал курс военной психологии в одном из высших военных учебных заведений. Кроме того, Ковалевский осматривал Ленина в период его болезни и первым определил у него прогрессивный паралич⁴⁶. Данный факт едва не стоил ему жизни, а в декабре 1924 г. профессор оказался под угрозой заключения. Однако благодаря личным связям Ковалевский в начале 1925 г. смог выехать за границу в Бельгию. Примечательно, что душевные потрясения и преклонный возраст не заставили Павла Ивановича отказаться от ведения активной деятельности даже в эмиграции. Практически сразу после отъезда за границу он изъявил желание участвовать в проекте организации в Париже Академии для образованных новых пастырей, в котором он видел «гениальный и весьма полезный» план оздоровления России. В письме к организатору этого заведения митрополиту Евлогию Ковалевский предложил не только собственную кандидатуру в качестве препода-

⁴⁵ Письмо П. И. Ковалевского митрополиту Евлогию // ГА РФ. Р-5919 (митрополит Евлогий). Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

⁴⁶ *Иванов А.* Профессор-националист. К 75 летию кончины П. И. Ковалевского // Агентство Русская линия. 2006. 17 окт.

вателя, но и оригинальный план организации нового учебного заведения. Выступая за немедленное начало деятельности, Павел Иванович писал: «В моем лице вы имеете компоненты учебного натурфилософа, но не отрицательного, а положительного направления – национальные же мои убеждения оправдывают мою жизнь... Готов двинуться в Париж и быть вашей рукой»⁴⁷. К сожалению, мечтам профессора не дано было осуществиться. Тем не менее, несмотря на плохое состояние здоровья, мыслитель уже в Бельгии издал еще один важнейший теоретический трактат, в котором пытался обосновать новую оригинальную концепцию связи религиозного и научного знания⁴⁸, занимался врачебной практикой. Закончил свои дни П. И. Ковалевский в маленьком бельгийском городке Льеж 17 октября 1931 г. Тот факт, что П. И. Ковалевский, несмотря на свое недолгое пребывание за границей, сумел оставить весьма весомый след в среде русской эмиграции, подтверждает то, что некрологи о его смерти вышли сразу в двух эмигрантских газетах и сопровождались весьма пространными статьями⁴⁹.

Михаил Осипович Меньшиков родился 25 сентября (6 октября) 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии. Его отец Осип Семенович Меньшиков имел низший чин коллежского регистратора, родом был из семьи сельского священника, а мать была дочерью обедневшего дворянина. Рос Михаил в многодетной семье, где родители не могли обеспечить шестерым братьям и сестрам ни материального достатка, ни какого-либо приличного образования. В 1864 г. семья Меньшиковых приобрела небольшую крестьянскую избу, где и стала проживать из-за материальной стесненности. Первоначальное образование Мише давала его мать, а позднее Меньшиков поступил в Опоченское уездное училище. Будучи весьма впечатлительным и чрезвычайно восприимчивым к окружающей действительности, он уже в юном возрасте жадно вбирал знания как сугубо ученического, так и бытового характера. Так, позднее в своих воспоминаниях будущий известный публицист делился

⁴⁷ Письмо П. И. Ковалевского митрополиту Евлогию // ГА РФ. Р-5919 (митрополит Евлогий). Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

⁴⁸ См.: *Ковалевский П. И.* Наука, Христос и его учение. Брюссель, 1928. 146 с.

⁴⁹ См.: Возрождение. Париж. 1932. № 2492; Русский еженедельник в Бельгии. 1931. 228/193.

впечатлениями о той неблагоприятной атмосфере, в которой проходило его детство и отрочество⁵⁰. Именно во время обучения в училище уездной Опочки будущий идеолог русского национализма испытал влияние революционных и нигилистических идей. По всей видимости, уже тогда Меньшиков проникся глубоким отвращением к ним. Вызвано это было, прежде всего, тем влиянием, которое оказала на него его мать, воспитывая его в духе чрезвычайной религиозности.

В 1873 г. начался новый этап жизни и деятельности Меньшикова. В это время при содействии своего дальнего родственника он поступил в Кронштадское морское техническое училище. При этом, как следовало из его письма своему покровителю, он не только отличался значительными успехами в учебе, но имел возможность совершать поездки по знаменитым европейским городам, где знакомился с местными достопримечательностями и условиями жизни, что также оказало на Меньшикова значительное влияние⁵¹. За границей впервые проявился литературный талант Меньшикова. Именно тогда он начал сотрудничество с такими видными изданиями, как «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Кронштадский вестник». Впоследствии очерки, написанные им за границей, были изданы отдельной книгой «По портам Европы». После окончания училища Михаил Осипович получил звание инженера-гидрографа и поступил на службу в Главное гидрографическое управление (1887–1892). Кроме того в свободное от службы время он слушал лекции в петербургском университете, а также опубликовал несколько очерков по своей специальности: «Руководство к чтению морских карт русских и иностранных» (1891), «Лоции Абоских и восточной части Аландских шхер».

Очередным важным событием в жизни Меньшикова стало его знакомство с молодым поэтом С. Я. Надсоном в 1883 г. Михаил Осипович посещал собрания его кружка, хотя революционный тон высказываний поэта явно не привлекал будущего идеолога ВНС. Однако именно Надсону Меньшиков в итоге

⁵⁰ См. подробнее: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 6–7.

⁵¹ Выдержки из текста письма см.: Поспелов М. Лисовой Н. Естественный стиль (материалы к биографии Меньшикова). [Электронный ресурс] // Русское небо : [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rus-sky.org/history/library/menshikov3/> (дата обращения: 09.10. 2007).

был обязан тем, что его литературный талант оказался раскрытым. По его совету Михаил Осипович с середины 1880-х гг. начал работать в газете «Неделя» П. А. Гайдебурова. Именно в этом издании впервые появились крупные публицистические статьи Меньшикова, имевшие большой успех у аудитории. Осознав, таким образом, свое истинное призвание, Меньшиков в 1892 г. подал в отставку в чине штабс-капитана и сосредоточился на литературной деятельности. Благодаря этому в 1890-е гг. Меньшиков стал уже главным сотрудником «Недели», ведущим критиком и публицистом, помощником редактора и его заместителем во время отлучек⁵². Кроме того, в это время Меньшиков также сотрудничал и с другими известными изданиями, такими как «Русь», «Русская мысль» и др.

Во время работы в «Неделе» Меньшиков в короткий срок получил широкую известность в литературных и общественных кругах. Достаточно сказать, что в это время с ним активно контактировали известные писатели, такие как Н. С. Лесков, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, которые чрезвычайно высоко оценивали его литературный талант. Следует отметить, что названные гениальные писатели оказали на публициста существенное влияние. Так, Меньшиков полностью разделял идеи консервативного мессионизма Достоевского, прямо перенимал демократизм мировоззрения Чехова. В этот период своей деятельности определяющее влияние на мировоззрение публициста оказал Л. Н. Толстой. Познакомившись с писателем, Меньшиков первоначально стал верным последователем его морально-этического учения. Так, за время работы в «Неделе» публицист опубликовал ряд литературно-критических и нравственно-философских статей, в которых прямо примыкал к некоторым сторонам учения Толстого. Находясь под его влиянием, Меньшиков первоначально сам причислял себя к «толстовцам», выполнял издательские поручения Толстого, занимался благотворительностью. Так, будущий теоретик «Нового времени» пожертвовал несколько десятков тысяч рублей, вырученных от публикации статей в «Неделе», для организации бесплатных столовых для голодающих⁵³. С А. П. Чеховым

⁵² Современники. С. 173.

⁵³ Там же. С. 174.

у Меньшикова сложились самые тесные дружеские отношения. Они отличались особой теплотой, что проявилось в обширной корреспонденции, адресованной ими друг другу⁵⁴. В этих письмах затрагивались самые разнообразные темы: содержались взаимные комплименты по поводу литературных способностей, споры на разнообразные философско-литературные темы. Об особом характере их взаимоотношений говорит и тот факт, что Меньшиков в письмах подробно рассказывал не только о значимых событиях своей жизни, но и о своей мировоззренческой эволюции, что являлось естественным атрибутом рефлексивного отношения публициста к действительности. В частности, из переписки с Чеховым можно проследить его последовательную эволюцию в сторону отказа от толстовства и формирования националистического мировоззрения. В этой связи представляется, что изучение личной переписки теоретика русского национализма вполне может стать объектом специального исследования.

Зарубежные поездки, общение с Надсоном, работа в «Неделе», а также дружеские отношения с известными русскими писателями в значительной степени повлияли на становление общественно-политических воззрений Меньшикова. Отметим, что приблизительно до начала XX века будущий теоретик ВНС не имел четко выраженных и определенных мировоззренческих ориентиров, а его позиция была в высшей степени эклектична. Так, в этот период Меньшиков, с одной стороны, увлекался идеями западного буржуазного реформизма, всячески поддерживая дальнейшее проведение реформ 60 гг. XIX века, ярко демонстрировал свои прозападнические настроения, интересовался идеями либеральных народников, в частности Михайловского и Лаврова, но с другой – разделял многие установки консервативной русской общественной мысли. Переломным в этом отношении стал период начала XX века.

На рубеже веков «Неделя» прекратила свое существование. Сотрудники издательства вынуждены были искать себе новую работу. М. О. Меньшиков, как уже было сказано, став в это время одним из известнейших журналистов, не имел недо-

⁵⁴ См.: Письма Чехова А. П. Меньшикову М. О. // ОР РГБ. Ф. 331 (Чехов А. П.). Оп. 1. Д. 51, 55.

статка в предложениях о трудоустройстве. В 1901 г. Меньшиков перешел в газету А. С. Суворина «Новое время», где стал ведущим публицистом и бессменным – в течение шестнадцати лет – ведущим престижного фельетона «Письма к ближним». Вскоре при содействии известного юриста А. Ф. Кони Меньшиков получил разрешение на публикацию ежемесячного издания под тем же названием⁵⁵. Меняется и его профессиональное амплуа – перестав быть литературоведом, Меньшиков окончательно становится публицистом, что выразилось главным образом в изменении тематики его статей. При этом если во время работы в «Неделе» в центре его внимания находились проблемы отвлеченного, общеполитического характера, то с течением времени, примерно со второй половины 1990-х гг., публицист все чаще обращается к актуальным проблемам текущей общественной жизни страны. Эти работы пользовались большим успехом и перепечатывались не только крупнейшими отечественными изданиями, но и передавались выдержками в ведущие иностранные⁵⁶. Прогрессирующий интерес Меньшикова к актуальным проблемам общественной жизни определил новый виток его идейной эволюции. В этой связи на него в наибольшей степени повлияли контакты с представителями либеральной земской общественности, а также внимательное изучение идей русских консерваторов второй половины XIX века. Так, к началу XX века будущий теоретик ВНС, критически подходуя к оценке внутривластной действительности Российской империи, мыслил в русле идейной традиции, с одной стороны, представителей официального консерватизма, а с другой – либеральных консерваторов, таких как Б. Чичерин и М. Кавелин. Данное обстоятельство определило в итоге главные политические установки публициста. Он выступал в качестве приверженца идей крепкой государственности, основанной на четком следовании традициям, сторонника проведения ограниченных реформ с целью достижения Российской империей уровня развития западных держав. Таким образом, в политическом мировоззрении публициста переплетались идейные установки

⁵⁵ Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность. С. 57.

⁵⁶ Современники. С. 173.

западников и славянофилов. Представляется, что в данный период, видимо, завершилась идейная эволюция публициста, окончательно сформировалось его националистическое мировоззрение. Решающим фактором в этой связи выступило влияние его издателя А. С. Суворина, известного своими правыми националистическими воззрениями. О доверительных отношениях между ними ярко свидетельствует характер их личной переписки⁵⁷.

Главным признаком отказа Меньшикова от своих ранних убеждений явился его последовательный разрыв с учением Л. Н. Толстого, поскольку последний в своих работах все более склонялся к конфронтации с интересами государства. Меньшиков не принял этих метаморфоз и полемизировал с Толстым не только на страницах «Нового времени», но и в личной переписке⁵⁸.

Декларируемая публицистом необходимость проведения ограниченных реформ политической системы Российской империи, связанных прежде всего с борьбой против главной ее язвы – бюрократизма – и решением национального вопроса способствовала тому, что Меньшиков целиком и полностью разделял идеи правой организации «Русское собрание», членом которой он стал. Тем не менее, вскоре выяснилось, что общественно-политические установки публициста «Нового времени» выходили за рамки идейной направленности этой организации, являлись весьма своеобразными и на первый взгляд отличались значительной степенью непостоянства и конъюнктурности. Данный факт проявился прежде всего в том, что будущий теоретик ВНС всячески поддерживал либеральные начинания премьера С. Ю. Витте, фигура которого не вызывала сочувствия у представителей правой общественно-политической мысли. Меньшиков вошел в ближайший круг знакомых премьера, где быстро завоевал доверие с его стороны. Данный факт выразился в том, что именно Меньшикову премьер поручил составить проект манифеста 17 октяб-

⁵⁷ См.: Письма М. О. Меньшикова А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 4; Письма А. С. Суворина М. О. Меньшикову // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 10.

⁵⁸ О непримиримом характере такой полемики дает представление, например, одно из писем Толстого в адрес Меньшикова. См.: Письмо Л. Н. Толстого М. О. Меньшикову // ОР РГБ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 38.

ря 1905 г. Будущий теоретик ВНС весьма скрупулезно подошел к решению данной задачи. В письме в адрес Витте от 7 октября 1905 г., в котором Меньшиков оправлял ему проект манифеста, автор выразил желание, чтобы именно его начертания легли в основу важнейшего закона⁵⁹. Однако данное сотрудничество не явилось плодотворным. Меньшиков впоследствии вспоминал, что «заказчик очень благодарил меня, но не воспользовался ни одной моей строчкой»⁶⁰. Надо заметить, что данный факт, с одной стороны, чрезвычайно уязвил самолюбие публициста, что нашло прямое выражение в его последующей критике политики Витте, а с другой – доказал Меньшикову, что государственная деятельность не являлась областью приложения его профессиональных качеств. Позднее это непоколебимое убеждение привело к тому, что публицист, являясь отцом-основателем ВНС, отказывался не только избираться в депутаты Государственной думы, но и играть какую-либо значимую роль в практической партийной деятельности организации.

Еще одним отличием мировоззрения Меньшикова от крайне правого явился тот факт, что он горячо приветствовал послереволюционные изменения общественно-политической системы Российской империи, связанные с созданием законодательной Государственной думы, усматривая именно в ней залог будущего поступательного развития страны. Как нетрудно заметить, подобная установка чрезвычайно сближала позицию нововременского публициста с мнением русских либералов – октябристов и даже кадетов.

Однако, с другой стороны, размышляя в духе крайне правых публицистов, Меньшиков в тот период времени отвергал все попытки ограничить самодержавную власть, реформировать общественно-политическую систему Российской империи по европейскому образцу. Кроме того, с крайне правыми Меньшикова роднила как его приверженность традиционным общественным институтам, так и его жесткая позиция по национальному вопросу.

Отмеченная двойственность политического мировоззрения публициста, так же как и особенности его характера и творчест-

⁵⁹ См. об этом: Современники. С. 173.

⁶⁰ Там же. С.174.

ва, явились главными причинами того факта, что будущего теоретика ВНС по-разному воспринимали представители русской общественности. В данной связи отметим, что Меньшиков обладал чрезвычайно сложным характером, который он сам, прогнозируя черты личности своих детей, охарактеризовал следующим образом: «К сожалению, кроме плюсов, перейдут и минусы – особенно тяжелые в области характера. Повышенная раздражительность от отца и матери, обидчивость, грубость, несдержанность ... Особенно страдали этим оба деда – Владимир и Иосиф, а также Шишкинская порода. Те же ветви могут передать нетрезвость и склонность к табаку. Еще мечтательность, непрактичность, житейская трусость, недоверие к своим силам (все это мое)»⁶¹. Что касается главных особенностей творчества Меньшикова, то уже в период работы публициста в «Неделе» проявилась главная их черта – резкость и критичность. В данной связи согласимся с точкой зрения современного исследователя наследия публициста П. И. Шлемина о том, что основополагающей характеристикой творчества Меньшикова являлось впадение в крайности, а также преобладание критического начала над созидательным. При этом иногда публицист впадал в патетику⁶². В этой связи за некоторые свои статьи Меньшиков не только подвергся цензурным гонениям вплоть до лишения права печататься под угрозой закрытия журнала, но и чуть не лишился жизни в результате покушения со стороны земского начальника Жеденева⁶³. Кроме того, такого рода «отродоксальный критицизм» статей Меньшикова вызывал явное неудовольствие и у представителей властных структур, например, у обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Таким образом, Меньшиков осуществлял свою деятельность, по образному замечанию современного исследователя его творчества, «неся на себе довольно тяжелую ношу известности и сопутствующих ей зависти, хулы, а то и просто клеветы»⁶⁴. С другой стороны, мыслитель оставался профессионалом своего дела, всегда демонстрируя автономность собственной мировоззренческой позиции. Первоочередным доказательством данного

⁶¹ Цит. по: Шлемин П.И. Указ. соч. С. 16.

⁶² См.: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 31.

⁶³ См.: Современники. С. 174.

⁶⁴ Гончаров С. Меньшиков М. О. Завещаю своему потомству // Москва. 1993. № 6. С. 178.

факта являлась невероятно обширная база источников статей, основанная не только на привлечении различных научных и ненаучных трудов, но также и на обширного рода статистических данных и мнениях самых разных респондентов.

Другая яркая характеристика Меньшикова как публициста состояла, несомненно, в чрезвычайном непостоянстве в оценках тех или иных явлений общественно-политической жизни, деятельности ведущих государственных и общественных деятелей. Так, критик А. Бессонов при написании рецензии на статью Меньшикова отмечал: «Этот умный публицист – настоящий хамелеон; он способен писать все и обо всем, в каком потребно в каждую минуту духе»⁶⁵. Заметим, что многие современники Меньшикова, отмечая данное качество личности публициста, воспринимали его крайне отрицательно, доказывая тем самым принципиальную невозможность составить какое-либо определенное представление о его истинной политической ориентации вследствие его чрезвычайной подверженности политической конъюнктуре⁶⁶. Примечательно, что такое мнение о публицисте высказывали и многие его коллеги по партии⁶⁷.

Обозреватель кадетской «Речи» А. Кравцов, отвечая на критические замечания, высказанные в адрес газеты со стороны публициста, прямо обвинял Меньшикова в лживости и неискренности⁶⁸. Сам публицист относился к подобному своему «мировоззренческому непостоянству» однозначно положительно, видя в нем проявление главного принципа публицистического творчества⁶⁹.

⁶⁵ Бессонов А. Рецензия на статью М. О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. 1915. 24 июля.

⁶⁶ О подобного рода мнениях современников Меньшикова см.: Санькова С. М. Указ. соч. С. 62–63, а также: Никон. Орлы и вороны. Мысли по поводу статьи Меньшикова // Биржевые ведомости. 1905. 24 июля; Новицкий Л. Рецензия к статье Меньшикова М. О. «К вопросу о расстройстве армии». М.: (Б.и.), 1906. 12 с.; Светский Л. Отзыв на статью М. О. Меньшикова «Мир или борьба». Житомир, 1908. 5 с.; Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. С. Ю. Витте. СПб.: Русская печатня, 1907. 4 с.

⁶⁷ О подобного рода мнениях см. Санькова С. М. Указ. соч. С. 62–63, а также: Куплевасский Н. О. Всероссийский национальный союз. СПб.: тип. Леонтьевича, 1908. 8 с.

⁶⁸ См.: Письмо А. Кравцова Меньшикову М. О. // РГАЛИ. Ф. 1666 (Речь). Оп. 1. Д. 1639.

⁶⁹ Цит. по: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 19.

О масштабности фигуры публициста и о его значительном влиянии на общественные круги красноречиво свидетельствует наличие чрезвычайно большого количества оценочных свидетельств его личности и творчества. В этой связи примечательно, что все без исключения современники, писавшие о публицисте, в один голос заявляли о его несомненном таланте и неординарности личности. Так, например, однозначно положительно оценивали личность и творчество теоретика национализма крупнейший мемуарист Н. И. Афанасьев, литературный критик Э. Ф. Геллнер, написавший в его честь хвалебную эпиграмму, крупный общественный деятель М. Рябушинский и многие другие⁷⁰. Причем в подобном тоне высказывались и его откровенные недоброжелатели. Так, недруг Меньшикова, его коллега по работе в «Неделе», Н. П. Перцов, говоря о нем, хотя и рисовал чрезвычайно негативный личностный образ, подчеркивая малокультурность и чрезвычайную алчность публициста, в то же время замечал, что «он был очень умен, а главное – обладал в литературной среде редким качеством – сильной волей»⁷¹. Видный литературный критик, идейный противник Меньшикова А. С. Изгоев, называя публициста «мелким бесом», выделяя такие его личностные качества, как злобность, подозрительность, манию, в то же время отмечал своеобразие его духовного мира⁷². Даже И. Я. Абрамович в своей уничтожающей критической статье, посвященной творчеству Меньшикова, в которой публицист определялся в качестве верного прислужника реакции, а его творчество получало чрезвычайно негативную оценку, заявлял: «Надо признаться, что среди нашей газетной мелочи, где не встретишь ни одного талантливой и живого аргументатора и публициста, обладающего глубиной и идейной находчивостью, Меньшиков выделялся именно даром аргументационным и способностью самостоятельно оперировать с мыслью»⁷³.

⁷⁰ См.: Современники. С.174; Письмо Васильева к М. Рябушинскому // ОР РГБ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 5.; Эпиграмма Э. Ф. Геллнера, посвященная М. О. Меньшикову // ОР РГБ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 12.

⁷¹ Цит. по: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 12.

⁷² См.: Изгоев А. С. Национальные и религиозные вопросы в России // Русская мысль. 1908. № 5. С. 122–138.

⁷³ Абрамович И. Я. «Новое время» и соблазны младенцы. Пг., 1916. С. 12–13.

События первой русской революции, способствуя окончательному формированию националистического мировоззрения публициста, заставили его стремиться к активным способам выражения своих своеобразных общественно-политических воззрений. С этой целью Меньшиков в этот период времени начал пропагандировать идею создания принципиально новой политической организации национал-консервативной умеренной ориентации – Всероссийского национального союза.

Роль Меньшикова в организации политического движения русского национализма поистине трудно переоценить. Все без исключения теоретики ВНС признавали его ведущую роль в создании партии. Идею организации ВНС как центра русского национального движения публицист пропагандировал в многочисленных своих статьях, фактически став его «идейным отцом». В данном качестве он получил несомненное признание со стороны националистически настроенной интеллигенции. Это выразилось прежде всего в многочисленной направленной корреспонденции в его адрес с мест, в которой содержались как проекты образования национальной партии, так и слова поддержки идеи организации движения русского национализма⁷⁴. В период с 1907–1908 гг. публицист «Нового времени» установил контакты со всеми будущими лидерами ВНС, членами Государственной думы, прежде всего, с П. Н. Балашевым, П. Н. Крупенским, А. П. Урусовым, Н. О. Куплеваским, а также с ведущими представителями националистически настроенной интеллигенции – профессорами П. И. Ковалевским, И. А. Сикорским и др., предлагая собственный проект создания Союза, обосновывая его идейно-практическую направленность. Высока была его роль в процессе идейной консолидации ВНС, произошедшей в результате объединения двух фракций Государственной думы. Заметим, однако, что Меньшиков всегда стремился четко ограничивать собственную роль в политическом движении русского национализма. Так, постоянно подчеркивая свое сугубо публицистическое призвание, Меньшиков не стремился играть сколь-нибудь значимой роли во

⁷⁴ См., например: Письма А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459 (А. С. Суворин). Оп. 2. Д. 913.; Письма М. О. Меньшикову // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 7.

вновь образовавшемся политическом движении и позиционировал собственное автономное в идейном отношении положение. Характерно следующее его высказывание: «Я никогда не говорю от лица национальной партии, а выражаю свое личное мнение»⁷⁵. Поэтому, хотя публицист и входил в главный совет ВНС в качестве почетного члена, он не стремился оказывать какое-либо влияние на политическую линию партии, а его практические инициативы во время работы Совета ограничивались предложениями по проведению исключительно просветительских и публичных мероприятий, не имеющих политического характера. Также публицист активно содействовал созданию ведущей общественной организации националистической направленности – Всероссийского клуба русских националистов. Значение фигуры Меньшикова для русского национализма было поистине огромным, поскольку публицист даже в таком «самоустрашаемом» положении выступал в качестве главного партийного теоретика. В период существования ВНС публицист играл роль своеобразного «корректора» его деятельности, формулируя магистральные тактические цели и задачи, борясь за сохранение единства политической организации националистов.

Участвуя в создании других массовых общественных организаций патриотического толка⁷⁶, настойчиво пропагандируя на страницах «Нового времени» идеи ВНС, публицист в глазах общественности выступал в роли «главного русского националиста». Как представляется, именно это обстоятельство нередко ставило под угрозу жизнь Меньшикова, поскольку лидеры национального движения нерусских народностей империи усматривали именно в нем своего главного врага. Так, например, в 1912 г. правительственная агентура в Турции сообщила о вынесении смертного приговора в адрес Меньшикова со стороны партии армянских сепаратистов, для чего ими был выслан агент с целью организации покушения на него. Угроза жизни Меньшикова в этот период времени была столь велика, что с мая по июнь 1912 г. за ним был установлено тайное

⁷⁵ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность. С. 63–64.

⁷⁶ См. подробнее: Известия ВНС. 1911. № 1. С. 6, 8.

наблюдение со стороны политической полиции с целью предотвращения покушения⁷⁷.

Тем не менее, позиция публициста по актуальным вопросам общественно-политической жизни с течением времени все чаще расходилась с официальной партийной, вследствие чего теоретик ВНС не оказывал поддержку ни правой, ни левой части Союза, критикуя его лидеров за чрезмерную «политизацию» их деятельности, не имеющую ничего общего с выполнением истинных задач русского национального движения. В итоге в период кризиса и распада ВНС (1914–1916) Меньшиков оказался в идейной изоляции, не находя сторонников ни в одной из действующих политических сил в стране. В работах мыслителя в это время все более просматриваются мотивы пессимизма и разочарования. Видимо, предчувствуя близкий крах империи, Меньшиков, с одной стороны, пытался понять его причины, а с другой – приспособить идейную доктрину русского национализма к меняющимся общественно-политическим условиям, сохранить при этом единую национальную партию. Идейный кризис публициста несомненно усугублялся и тем, что со смертью А. С. Суворина стремительно пошла на убыль и его блистательная публицистическая карьера. Будучи не в состоянии продолжать свою деятельность в условиях революции, Меньшиков с семьей в 1918 г. переехал в Валдай, где жил на своей загородной даче. С этого времени Меньшиков вел дневник, в котором философски осмыслял происходящие в России события. Примечательно, что и в это трудное время публицист пытался найти возможность для продолжения любимой деятельности. Так, в 1918 г., уже после прихода к власти большевиков, Меньшиков обсуждал новые планы издательской деятельности с М. М. Спасовским и И. Д. Сытиным, однако попытки сотрудничества с ними закончились неудачей. Оказавшись фактически без средств к существованию, М. О. Меньшиков вынужден был сдавать свой дом в наем строительной конторе, а сам, несмотря на свой преклонный возраст, поступил на службу в качестве заведующего столом личного состава. Опасения и предчувствия, отраженные Меньшиковым в дневнике, сбылись

⁷⁷ Об охране М. О. Меньшикова // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции МВД 1880–1917 гг.). ДП ОО. Оп. 240. Д. 249.

14 сентября 1918 г., когда его арестовали, а после непродолжительного следствия приговорили к смерти за «организацию контрреволюционного переворота». Приговор был приведен в исполнение органами ЧК 20 сентября 1918 г.

Итак, кратко рассмотрев жизнь и деятельность П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, на наш взгляд, мы пришли к выводу, во-первых, о том, что они были весьма заметными общественными деятелями России начала XX века, а во-вторых, сыграли важную роль в качестве теоретиков русского национализма. Являясь при этом совершенно разными по своему профессиональному призванию, оба мыслителя существенно повлияли на формирование идейных установок политического движения русского национализма, концептуально обосновав его ключевые категории, и всемерно содействовали пропаганде идейной доктрины ВНС.